

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ
МАРИЯ КРУЗ

АР-ДЕКО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Круз, Андрей.

К84 Ар-Деко / Андрей Круз, Мария Круз. —
Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-203555-5

То, что мы задумали на этот раз, без ложной скромности можно назвать ограблением века. Камни, самые чистые, самые крупные, да к тому же способные принимать в себя Силу, а значит, становиться артефактами. Бриллианты, привезенные «Де Бирс» со всего света на аукцион в зону Большого Каира и охраняемые так, как в русской сказке Кащей охранял пресловутое яйцо. Но мы придумали, как их взять. И все должно получиться, потому что план просто отличный. И подготовились мы тщательнее некуда. Главное, чтоб за эти недели меня не нашли парни Антенуччи, из-под носа у которых я увел деньги букмекерской конторы, или не случилось еще чего непредвиденного. И тогда... Нет, загадывать наперед — плохая примета. А нам даже по мелочи рисковать не стоит. Уж больно много, нереально много стоит на кону.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Круз А., Круз М., текст, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-203555-5

Предисловие

26 августа 1979 года здесь, на Коста-дель-Соль в Испании, умер в возрасте семидесяти двух лет один из самых знаменитых американских гангстеров Алвин Карпис. Тот самый, что был партнером Джона Дилинджера, рулил бандой Карписа-Баркеров и даже считался Врагом Общества Номер Один какое-то время, до своего ареста. С 1934 до 1964 года он просидел в Алькатрасе и Левенворте, потом женился и уехал в Испанию. Говорят, что до самой смерти он держался в форме, но при этом любил выпить. В барах он пытался рассказывать о своем прошлом, но ему никто не верил и над ним посмеивались. Умер он, судя по всему, по своей воле, приняв полный пузырек снотворного под «Джека Дэниелса».

То есть получается так, что мы с ним почти соседи. Я понемногу начал копаться в информации о нем, процесс как-то затянул — и вдруг у меня родилась идея этого романа. Нет, здесь не будет ни Дилинджера, ни Баркеров, ни Карписа, потому что все они умерли или оказались в тюрьме еще в 1934 году, дав возможность ФБР окрепнуть, нарастить мускулы и превратиться из сборища плохо обученных безоружных дилетантов в мощную организацию, победившую в объявленной «войне с преступностью». Все их деяния освещены и описаны, пусть и с разной степенью достоверности,

их сыграли в кино и Уоррен Битти, и Фей Данауэй, и Ричард Дрейфус и даже Роберт Де Ниро, так что ничего нового я сказать бы не смог.

Но эпоха окончания Великой депрессии, то есть все, что я начал раскапывать попутно, заинтересовала. И хотя даже мир, в котором происходит действие романа, в большей степени вымышлен, я все же старался придерживаться исторических фактов, переплетая фантазию и реальность. Честно говоря, я получил удовольствие, работая над этим романом, потому что узнал куда больше, чем написал.

Мне не удалось не перевернуть лишь один исторический факт: я сохранил одного из исторических персонажей от ареста и пожизненного срока, прибавил ему для солидности возраст, сменил фамилию на похожую, а вместо тюрьмы дал ему возможность скрыться и вынырнуть в Большом Каире. И второй персонаж, великий злодей, чуть-чуть увильнет от своей настоящей судьбы, но вскоре вернется на ее рельсы, потому что против судьбы не попрешь.

В книге попадаются реальные исторические персонажи, и с ними было трудней всего. Хотелось написать чего-то лишнего, но я сдержался. Вы узнаете поздней, о ком речь, и я могу сказать, что не наврал ни в единой детали. Письма, которые упомянуты, были просто написаны другому человеку, но содержание сохранено. Манера одеваться взята из воспоминаний современников. Записки во время «интервью соискателей» сохранились в архиве и уже опубликованы. То есть я постарался ни в малейшей степени не погрешить против исторической правды. Что было, то было.

Кто-то может сказать, что в книге отношения между преступниками слишком братские и дружеские, плохие люди не стоят горой друг за друга, но... видимо, сейчас что-то изменилось. Если почитать документы о временах великой войны ФБР с банковскими грабителями, с удивлением замечаешь, что сыщикам тогда не удалось натравить преступников друг на друга. Никто никого не выдал, а вдовам убитых честно выдавалась их доля. Даже постоянный конфликт между Дилинджером и Малышом Нельсоном, рулившими одной бандой, так и не привел к тому, чтобы они повернулись друг против друга. Они ссорились, ругались, даже враждовали, но из этого так ничего и не последовало. И опять же следует отметить удивительную верность их жен и подружек. А тот же Дилинджер возил умирающего партнера попрощаться с семьей чуть ли не через половину страны, хотя его в этот момент отчаянно разыскивали.

Да и эстетика эпохи ар-деко интересна сама по себе. Машины тех времен, мода, архитектура, музыка. Какие-то мои собственные знания легко влились в текст: с их помощью я старался сделать описываемый мир максимально вещественным, реальным, таким, чтобы книгу можно было не только прочесть, а еще и буквально ощутить пальцами, увидеть, почувствовать себя человеком тех времен. Пусть и не самым честным путем, добывающим себе средства к существованию. Но было бы странно, начав изучать предмет со знаменитого преступника, писать роман о честном человеке. Не думаете?

Пароход «Дух океана», огромный, с черными бортами и белыми надстройками, дымя тремя широкими трубами с красной полосой на каждой, подошел к гавани Порт-Саида с утра, как раз в то самое время, когда в ресторане на палубе первого класса заканчивался завтрак. Сновали одетые в белое официанты, в дальнем углу светлого просторного зала играла арфа, а в воздухе висел запах кофе и ванили. Последний завтрак на борту, еще час или чуть больше — и я окажусь на берегу, а наша компания, образовавшаяся за время путешествия и занимавшая сейчас шестиместный стол, разойдется по своим делам.

— Еще кофе? — спросил я у молодой курносой девицы, сидевшей слева от меня.

Она нарочито скромно улыбнулась, бросила украдкой взгляд на худую и высокую даму с длинноватым английским лицом и птичьим профилем, сидевшую напротив, затем кивнула:

— Благодарю вас, Роберт, очень любезно с вашей стороны.

Я сделал знак официанту, который меня понял и немедленно подошел с кофейником. Наполнив ее чашку, он вопросительно посмотрел на меня:

— Сэр?

— Да, пожалуйста. — Я чуть подвинул блюдце с чашкой, чтобы ему удобней было налить.

— Роберт, вы надолго в Каир? — Невысокий пузатый человек лет пятидесяти, сидевший напротив, намазывал маслом тост, а клубничный джем в розетке ожидал своей очереди.

— Не знаю, доктор, — повернулся я к нему. — Я даже пока не знаю, по делам я в Каире или просто из любопытства.

— Никогда раньше здесь не были?

— Пока не приходилось, из Аргентины добираться долго. Вы ведь живете здесь?

— Именно так. — Доктор Бромли важно кивнул и взялся, не скупясь, наваливать на масло джем. — Последние пятнадцать лет. И не думаю что когда-нибудь покину это место.

— Здесь так хорошо?

— Поначалу непристойно жарко, Роберт, но потом привыкаешь. Здесь самый центр мира, ты словно держишь руку на пульсе у всей земли. Нет ни одной сколько-нибудь богатой семьи в этом мире, которая не обосновалась бы в Каире постоянно или хотя бы на часть года. Как вы, кстати, сумели этого избежать?

— Слишком много работы. Отец один не справлялся с управлением активами, а кроме меня он никому не доверял.

— Ваш отец, простите, скончался? — Доктор придал лицу выражение умеренного сочувствия.

— Да, в прошлом году. А теперь я намерен распродать семейные активы и куда-нибудь переехать.

— Вам не нравится Аргентина? — Джем, не удержавшись горкой на масле, капнул на скатерть.

— Буэнос-Айрес великолепен, но наши шахты далеко от него. И это край мира, доктор, а в главном вы правы — хочется держать руку на пульсе жизни. Настоящей жизни.

— Какие-нибудь конкретные планы на жизнь в Каире?

Это уже спросил высокий седой человек с армейскими усами щеткой — полковник Уоллес, ныне отставной, сделавший карьеру на службе в колониях и сейчас решивший переехать в центр мира — в Каир.

— Пока ничего конкретного, — повторил я уже специально для него, Уоллес был туговат на ухо. — Хочу просто оглядеться, полковник.

— Не вздумайте вкладывать деньги в землю, она здесь явно переоценена, — сказал доктор, откусив и прожевав кусок тоста и запив его чаем с молоком. — Почему-то каждый новичок пытается инвестировать в нее и каждый теряет на этом деньги.

— Благодарю за совет. Нечто подобное мне уже говорили.

— Не хочу показаться назойливым, но вам говорили чистую правду. Каждый второй жулик, если даже не первый, пытается продавать недвижимость приезжим.

А то я не знаю. Я еще и сам много историй на этот счет могу рассказать. Просто не буду.

— Как вы планируете развлекаться, Роберт? — спросила сидевшая рядом с девушкой женщина с длинным лицом и птичьим профилем.

— Не думаю, что это представляет проблему в Каире, леди Бриггс, — любезно улыбнулся я ей. — Если бы здесь не было развлечений, то этот ресторан был бы пуст. — Я обвел взглядом действительно заполненный до последнего места зал. — Кто бы сюда ехал? А так я был счастлив, что успел купить билеты первого класса на это судно. Иначе пришлось бы плыть третьим. Или лететь дирижаблем.

Баронесса Бриггс, жена вице-губернатора области Большого Каира, соответственно барона Бриггса. Рыжая девушка рядом со мной — ее дочь Маргарет, но она предпочитает звать себя Марго на французский манер. Впрочем, меня зовут Робертом на манер английский, хотя я Роберто, как и подобает аргентинцу. Правда, из меня что Роберто, что аргентинец... но об этом чуть позже. Или вообще в другой раз. Сейчас это не важно.

— Даже не сомневайтесь, — так же любезно улыбнулась она. — Я просто поинтересовалась какими-то конкретными планами. Планируете быть на дерби?

— Разумеется, — кивнул я. — К сожалению, пока не зарезервировал себе место. Но не думаю, что это будет проблемой.

— Роберт, поверьте, это уже может быть проблемой, лучшие места давно разобраны! — Всплеснув некрасивыми руками с узловатыми пальцами, баронесса изобразила на лице заботу. — Впрочем, с этим мы можем вам помочь.

— Приходите, Роберт, — опять изобразила вежливую улыбку Марго. — Только там вы сможете познакомиться сразу со всем обществом.

А то я не знаю. Я и хотел подвести разговор к этому, но вы начали его сами, за что вам немедленно от меня такое вот большое спасибо. И одно дело прийти на Большие скачки самому и совсем другое — в компании жены и дочери вице-губернатора, тогда сама проблема представления обществу снимется автоматически. Правда, не знаю, насколько мне это знакомство с обществом будет нужно на тот момент, если честно. И нужно ли будет вообще.

— Неловко вас обременять, но... отказаться от приглашения не могу. Леди Бриггс, Марго... моя искренняя благодарность. — Я даже прижал руку к сердцу.

Баронесса рассматривает всех мужчин моего возраста как подходящую или неподходящую партию для дочери. Совсем неподходящим, как я слышал, в категорической форме демонстрируется нежелательность развития знакомства. Полностью подходящих пока не нашлось, потому Маргарет до сих пор не замужем. Почти подходящие идут на скамейку запасных, то есть «в круг общения», и могут надеяться на удачу в будущем, в случае если совсем подходящий на горизонте так и не появится, а незамужний статус Марго начнет напоминать о себе слишком настойчиво. Меня, похоже, баронесса планирует разместить на той же скамейке до лучших времен, про запас. Впрочем, в женихи я и не рвусь, меня вполне устраивает нынешний статус, о котором леди Бриггс знает довольно мало. То есть вообще не знает. Марго же знает куда больше, но делиться этим с матерью не спешит.

— Не стоит, Роберт, это мелочи. Мы будем рады вас видеть.

— Малик, как я слышал, выставит сразу двух новых коней, их заранее прочат в фавориты, — вступил в разговор пожилой джентльмен в круглых очках в золотой оправе и с блестящей лысиной.

Уолтер Мак-Кинтайр, какой-то большой начальник из «Скотс Ройал Бэнк», едущий в Каир, как я понял, с инспекцией местных филиалов.

— Вы ставите на лошадей? — обернулся я к нему.

— Что за смысл ходить на скачки и не ставить? В моем возрасте уже приходится щекотать нервы искусственно. — Он засмеялся, продемонстрировав неестественно белые и ровные зубы. — А вы?

— Я люблю лошадей, но совсем не азартен. Рассматриваю скачки скорей как выход в общество. Нет, ставлю, разумеется, но обычно неудачно, так что небольшие суммы.

Вообще-то лошадей я терпеть не могу, но говорить об этом вслух в британском обществе как минимум глупо. Это как признаться в том, что ты находишь лисью охоту невероятно скучной, а чай с молоком неуместным и даже противным.

— Здесь входит в моду соколиная охота, не слышали? — спросил меня доктор. — Арабские шейхи занесли ее в общество. Даже есть клуб соколятников.

— Довелось слышать, — я повернулся к нему, — но не думаю, что я когда-нибудь стану ее поклонником. Если я охочусь, то предпочитаю делать это своими руками, а не доверять птице.

— А как охота в Аргентине?

— Неплоха, особенно в Патагонии. Если вы охотник, то вам следует когда-нибудь попробовать.

Никогда не охотился в Патагонии, но это не важно.

— Я пока не завершил свой поход за «Большой пятеркой», — явно загордился доктор. — И мы, в конце концов, сейчас в Африке, Роберт. Мой старый друг еще по Оксфорду, живет в Кении, у него там плантация, поэтому мне проще всего раз в год навещать его. В прошлую поездку добыл на удивление крупного леопарда.

— В Африке мне охотиться пока не приходилось, к сожалению, — легко уступил я пальму первенства доктору. — Времени на путешествия оставалось очень мало.

— Но теперь, как я понимаю, его у вас прибавится?

— По крайней мере, я на это надеюсь, — усмехнулся я. — Боюсь, что начну здесь какое-нибудь дело до того, как отдохну от прошлого. Впрочем, безделье развращает.

Это уже подача на сторону баронессы, пусть услышит. Нет, на руку ее дочери не претендую совсем, мне и так хорошо, но вот ей знать об этом не надо. Ей надо знать, что я наследник семейного состояния и готов приумножать его дальше. И я старше, чем основная масса претендентов на руку Марго, мне уже за тридцать, что должно создавать мне некий ореол солидности в отличие от богатых наследников из числа тех, с которыми ей приходится иметь дело. Или наследников титулов.

— Роберт, скажите, а почему ваша фамилия звучит настолько... гм... не по-испански? Это обычно для Аргентины? И вы не похожи на испанца.

— Аргентина населена всеми подряд на самом деле. — Баронесса предсказуема, она уже задумалась. —

Мой дед приехал туда из Нидерландов, с женой. Мой отец женился на местной, но местная была такая же, как и он сам, то есть приезжая, польского происхождения.

Во мне нет ни капли голландской крови, насчет польской точно не скажу, но в сочетании с моей ненастоящей фамилией звучит это хорошо: голландцы и англичане испытывают друг к другу некий взаимный пиетет. Тут и родство королевских домов, и многое другое. Представься я немцем или французом и уж тем более раскрой свое истинное происхождение, баронесса может потерять интерес. Нидерланды — это именно то что надо. И лишних расспросов не будет.

Завтрак закончился. Я выразительно посмотрел на часы, поднялся из-за стола, всем разом улыбнувшись, сказал:

— Боюсь, что вынужден вас покинуть, мне надо успеть собраться. До прибытия всего тридцать минут, если судно идет по расписанию.

— Уилфрид может вам помочь, — сказала баронесса. — Наши вещи должны быть уже собраны.

Уилфрид — это их дворецкий, невысокий и натужно чопорный человек с лысиной.

— Там не так много, но за предложение спасибо. Я справлюсь, у меня на приисках дворецкого не было.

Да, такое вот небрежение статусом. Баронесса сейчас должна восхититься моей самостоятельностью, наверное. Жил сам, без гувернантки и даже дворецкого. Просто Тарзан в джунглях.

— Вас встречают? Я имею в виду в Каире?

— Поеду поездом, посмотрю в окно.

— В любом случае мы еще увидимся перед тем как сойдем на берег. — Она сдержанно кивнула, но при этом улыбнулась, демонстрируя расположение. Похоже, что меня немного сдвинули на скамейке запасных в начало очереди.

— Нам еще предстоит поездка на поезде, леди Бриггс.

— К сожалению, там мы вам не сможем составить компанию, мой муж придет за нами автомобиль.

Ну да, так даже удобней, наверное, а мне еще пересадка предстоит.

Толстый ковер на полу заглушал шаги. Салон понемногу освобождался, люди спешили в свои каюты для последних сборов. Через открытые двери салона снаружи, несмотря на морской ветерок, тянуло оглушающей жарой. Египет, никакая европеизация не смогла изменить здешний климат. Впрочем, чуть дальше от побережья и жара переносится легче: воздух сухой.

В коридоре, куда выходили двери кают, было тоже тесновато, несмотря на первый класс. Все суетились, бегала с озабоченным видом прислуга, кое-где уже тащили багаж к месту высадки. Я не первый раз путешествую морем и даже первым классом не первый, так что могу подтвердить — всегда все так и происходит.

Замок щелкнул, дверь распахнулась, пропуская меня в каюту. Не самая просторная, потому что на одного, но и далеко не тесная. Снял легкий пиджак из сирсакера, повесив на вешалку, распустил галстук. Посмотрел на пиджак с сомнением. Пошив всего этого гардероба в Неаполе, в «Английском доме» Джене-ро Рубиначчи, встал мне в копеечку, пробив немалую

дыру в бюджете. Это инвестиция в будущие прибыли, так что хорошо, чтобы она окупилась. Подошел к зеркалу над бюро, поправил волосы. Никак не привыкну к тонким усикам à la Кларк Гейбл, равно как и к причёске, но это даже хорошо.

Дверь за спиной распахнулась, я ее специально не запираю.

— Роберт, у нас мало времени! — с ходу объявила Марго. — *Maman* уже вся в нервах, боится, что мы опоздаем или что-то потеряем, хорошо, что Уилфрид такой невозмутимый.

— Если времени мало, не надо его терять. — Взяв Марго за плечи, я развернул ее к кровати. — Нагнись.

Вопросов не последовало, так что мне осталось лишь поднять на ней платье и спустить с нее шелковые панталоны, открыв круглую белую задницу. К счастью, в таком климате не носить с утра чулки допустимо в обществе, а то бы еще пришлось с резинками возиться.

2

Гавань Порт-Саида, расширенная в середине двадцатых, поражала воображение своими размерами. Огромный «Дух океана» почти потерялся среди множества других судов, медленно двигаясь к месту швартовки. Напротив, у восточного берега, выстроился флот Лиги Наций с парой десятков военных кораблей самых разных размеров и типов, среди них скалой возвышалась серая громада «Королевского дуба» — британского линкора, на котором держал флаг командующий международной эскадрой. Заинте-

ресованные игроки зорко следили за тем, чтобы никто не мог навредить их такой ценной собственности, как Зона Большого Каира.

«Дух океана», толкаемый двумя буксирами, пришвартовался у здания вокзала. В Порт-Саиде задерживались немногие — тут город рабочий, обслуживающий канал и торговлю через него, подавляющее большинство пассажиров сразу же пересаживалось на поезд, которым они ехали уже в Каир. Мой багаж был оплачен до самого Каира, так что к трапу я подошел с одним саквояжем, пусть и объемистым.

Солнце. Такое яркое, что даже светлые поверхности, если на них смотреть, заставляют щуриться, так что даже шляпа-канотье, она же boater, не спасает. Пришлось надеть темные очки в черепаховой оправе. Ну и новому покрою пиджака «дроп кат» спасибо, по крайней мере под него чуть-чуть поддувает ветерок.

В «морском зале» вокзала с десятков кабинок из темного дерева, в которых сидят служащие таможенной службы Зоны Большого Каира, которые тут заодно уполномочены и паспорта проверять. Мой паспорт попал в руки невысокому красномордому толстяку, явно страдающему от жары даже здесь, в зале, судя по пятнам пота на его плотной форменной рубашке цвета хаки. Я специально встал в очередь к нему, потому что такие страдающие обычно еще и самые невнимательные.

— Цель вашего визита, мистер Ван Дер Меер? — Скорей всего Ливерпуль или Манчестер, в иммиграционной службе работают в основном подданные его величества.

— Бизнес, — улыбнулся я, снимая очки. — Предполагательно. Или отдых.

— Направляетесь в Каир?

— Именно так.

— Приятно провести время, сэр. — Он вернул мне паспорт и кивнул следующему за мной в очереди, приглашая того, а я проследовал дальше, уже в зал ожидания.

Саквояжем никто не заинтересовался: таможня пассажиров первого класса почти никогда не проверяет. Впрочем, ничего особо криминального в моем саквояже нет, кроме разве что небольшого пистолета «маузер» модели десятого года, скромно упакованного в несессер для бритвы вместе с запасным магазином.

Зал для пассажиров первого класса сейчас был пустоват. Многие уезжают на машинах, нанимают такси или лимузины. Может, и мне стоило бы, а может и нет.

Выудив из кармана монету, бросил ее в копилку газетного автомата, вытащив взамен свежий номер «Каирского курьера». Поднимусь в бар, что на галерее зала ожидания, и почитаю под кофе. Кофе на судне был, если честно, так себе, не сказать хуже, а в баре, как я вижу, за стойкой египтяне в красных фесках — вот они сумеют сварить правильный кофе.

Две трети столиков в баре пока пустовало, а едва я уселся за один из них, тяжелый, на кованом основании и с гранитной столешницей, как ко мне немедленно подскочил официант.

— Кофе, — сказал я ему без всяких дополнительных объяснений.

Если просто кофе, то именно такой, какой мне нужен.

Что у нас с новостями? Завершают строительство железной дороги в Александрию, которая стала одним из самых модных курортов на Средиземноморье. А заодно, отметил я про себя, замыкает северо-западный угол треугольника Большого Каира, области под покровительством Лиги Наций и управлением преимущественно британской администрации, ибо корона заодно приняла область в свой состав на правах доминиона. Забавно, учитывая тот факт, что египетский малик хоть и числится соправителем, но власть его начинается за территорией Большого Каира, а так ему страны-покровители просто платят ежегодно немалые суммы, не более того, и уж на доминион реальный статус территории никак не похож.

Кстати, а в Александрию надо будет съездить, но только после того, как все дела свои завершу. Может, к тому времени и поезда туда пустят, а то пока или машиной, или пароходом по Нилу.

Что еще? Генерал-губернатор области объявил о том, что совет утвердил зоны распространения анклавов и определил четкие границы, поскольку уже не раз возникали конфликты между районными администрациями. Ну да, французский сеттльмент по этому поводу постоянно конфликтует с австрийским, это точно.

Принесли кофе и стакан воды со льдом. Божественно! Как бы на пароходе научиться так делать, а не в кофейниках бурду разносить?